

Развернуть бы свиток жизни
и прочесть ее сначала,
чтобы детство,
светом брызнув,
звонким смехом прозвучало.

Чтобы юность
взор туманный
устремляла к горизонту,
чтобы девушке желанной
посылались письма с фронта.

Развернись, о свиток жизни!
Я хочу прочесть с начала
список павших за Отчизну,
изрешеченных металлом.

МАЙОР

Войдет тихонечко в палату,
скрестивши руки на груди,
и шепчет: «Танечка, не надо,
не надо — спящих не буди».

И было так порой неловко,
когда она — наш врач, майор, —
как мать, погладит по головке
тебя в присутствии сестер.

И спросит: «Письма маме пишешь?
Пиши почаще, не ленись...»

И словно мать родную слышишь
и от смущенья смотришь вниз.

Уйдет майор, сутуля спину,
в просторный белый кабинет...
Там на столе есть фото сына,
а самого уж год как нет.

БЫЛА ТИШИНА

*Памяти
младшего сержанта Харина*

Лицо, прикрытое пилоткой.
Как ни зови — не встанет друг.
И беспокойно ходит ротный
и веткой отгоняет мух.

А я лопаткою саперной
срезаю травянистый пласт,
чтоб свежие квадраты дерна
закрыли черной ямы пасть.

Шальную разрывную встретил.
И как она сквозь лес прошла?..
А солнце так над нами светит,
как будто в мире нету зла.

ПРАВЫЙ САПОГ

Внесли два дюжих санитара
носилки в познаньский вокзал.
Внесли,
поставили на нары,
и я невольно
рядом встал.

Я помню,
вдруг она сказала:
— Влюбился, что ли, землячок?
Наверное, ты добрый малый...
Прикрой, пожалуйста, плечо.

— Куда ж тебя?
— Сама не знаю...
Переобуться бы помог.
Нет сил подняться...
Понимаешь,
проклятый правый
жмет сапог.

В крови засохшей одеяло
я приподнял за уголок.
Где ноги —
 пустота зияла...
«Какой сапог?! Какой сапог?!»

* * *

Солдаты шли не строем —
кучкой,
неловко тыча костыли.
Над ними низенькие тучи
из мокрых нитей
сеть плели.

Как труден путь по косогору!
А дождевая пелена
совсем закрыла мокрый город —
одна лишь улица видна.

Остановились на пороге.
Дождь сеял капли
в тишину...
И молча парень одноногий
прильнул к родимому окну.

Я ЗНАЛ ИХ...

Пожар войны гасили кровью.
Священна кровь солдат тех дней.
Кладут цветы к их изголовью
кто был, кто не был на войне.

Ни речь, ни голос надмогильный
из глаз моих не выжмет слез.
Я знал их, юных, духом сильных,
кто честь страны, как знамя, нес.

Не идеальные — простые,
как все трудяги на земле,
женатые и холостые,
в рассвете сил своих и лет —

табак курили, пили водку,
любили женщин и девчат...
Здесь, на окраине слободки,
святые грешники лежат.

СОН

Приснилось мне:
идут в атаку
три роты,
впереди — комбат.
И странно:
в сизом полумраке
я вижу вновь своих ребят.

Они все живы и здоровы,
никто не ранен,
не убит.
И на снегу
не видно крови,
никто не просит тихо:
«Пи-и-ть!»

И Витька Красииков
от боли
мне не кричит:
«Добей, добей!»
Не дергает
меня за полу
шинели старенькой моей.

Не клацают зловеще
траки,
и гарью
не закрыт закат...
Мне снился сон:
идут в атаку
три роты
и живой комбат.

* * *

Сиреневую даль небес,
поля, луга и огороды,
и этот плес, и этот лес
мы покидаем — мы уходим.

И пусть в прощальный этот миг
склоняется над изголовьем
все то, что отстояли мы
любовью,
мужеством
и кровью.

МОИМ ОДНОПОЛЧАНАМ

Пусть счет моих годов
необратимый
течет во мне,
течет неотвратимо.

Недолюбили мы
своих любимых,
и юность наша
проскользнула мимо.

Но и поныне,
и поныне зримы
лицо Андрея
и лицо Кирима.

Мои однополчане-побратимы,
мы были смертны,
но непобедимы.